

ЗЕМЛЯ ЭЛЬЗЫ.
Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

Эльза Александровна
Василий Игнатьевич
Ольга – дочь Эльзы, .
Даша – внучка Эльзы.
Виктор – сын Василия
Изабелла – жена Виктора.
Зинаида Михайловна – пенсионерка.
Таисия Петровна – пенсионерка.
Марина – продавщица.

Действие первое

1

*Сельский магазин. Здесь продают всё – от продуктов до дешевых шампуней, косметики и одежды. Ассортимент небольшой, но местные жители не жалуется. Эльза – пожилая женщина – рассматривает туфли, выставленные на прилавок в углу магазина.
Продавщица Марина смотрит телевизор.*

ЭЛЬЗА. А у вас ничего такого с каблучком, Марина, нет?

МАРИНА. Так мы же для пенсионеров, Эльза Александровна, завозим. За каблучками молодежь сама в город ездит.

ЭЛЬЗА. Так я вроде тоже не молодуха. А вот хочется, знаете, что-то такое...

МАРИНА. Какое?

ЭЛЬЗА. Интересное.

В магазин заходит Зинаида Михайловна – румяная пенсионерка.

ЗИНАИДА. Доброе утро, Элечка! Ну как ты? Отошла немного?

ЭЛЬЗА. Немного отошла...

ЗИНАИДА. Ну что поделаться, надо, Элечка, привыкать, ты теперь вдова, надо привыкать, что тут скажешь. Это нас всех ждет. Вот разве что мой Иван всех нас переживет, здоровый он у меня как бык. Врачи говорят, до ста лет проживет. А вообще, надо привыкать, бабий век – он такой, оглянуться не успеешь, и уже вдова...

Эльза кивает, рассматривает обувь.

ЗИНАИДА. Туфли, что ли, решила прикупить? Вот эти вот возьми, я сама в таких бегаю – и удобно, и недорого... Это наша фабрика шьет, не китайская. Марин, скажи?

МАРИНА. Говорю.

ЭЛЬЗА. Да я, наверное, в город съезжу, присмотрюсь. Мне бы что-то такое на каблучке...

В магазин заходит пенсионерка Таисия Петровна.

ЗИНАИДА. Ой, вот и Таечка пришла! Ну как твоё здоровье? Артрит все мучает?

ТАИСИЯ. Да не говори, Зина, лечусь, лечусь, и то одно, то другое. Врач говорит: ну а что вы хотите,, все по возрасту у вас, все по возрасту. Как Слава помер, так я и слегла... Раньше-то он болел, я вокруг него бегала, а теперь вокруг кого мне бегать? Вот и болею себе.

ЗИНАИДА. Тоскуешь по нему?

ТАИСИЯ. А как по-другому? Всю жизнь вместе...

ЗИНАИДА. Ну это у всех по-разному. Элечка вот уже через неделю новые туфли пошла покупать на каблучке...

ЭЛЬЗА. Что же мне, Зинаида, босиком ходить? Марин, булку хлеба и пачку сахара продай, пожалуйста.

Марина продает Эльзе хлеб и сахар.

ЗИНАИДА. Элечка, так я не к тому, что ты подумала! Я к тому, что все люди разные. Вот Таечка и через два года в себя прийти не может, а ты у нас женщина крепкая...

Эльза выходит из магазина. Идет по деревенской, набухшей грязью дороге. Старательно обходит лужи. Вдруг останавливается. Шумно вдыхает в себя воздух. Весна. Пахнет дождем, свиным жиром и первыми травами.

2

Дом Эльзы. По деревенским меркам хороший и «богатый». Все здесь обжито, в серванте стоит хрусталь, в комнатах новая мебель, на стене висит телевизор-плазма. И даже второй этаж пристроен.

На диване сидит Эльза. На столе большая фотография мужа в черной рамке и стакан водки, накрытый куском черного хлеба. Тикают часы. Эльза смотрит на фотографию, затем медленно встает, берет стакан с хлебом, идет на кухню, выливает водку в раковину. Возвращается в комнату.

Убирает фотографию в шкаф. В коридоре слышатся шаги. Эльза

вздрагивает, как нашкодивший ребенок. В комнату заходит Ольга, дочь Эльзы.

ОЛЬГА. Ма! Я чё, помочь пришла!

ЭЛЬЗА. Спасибо, ничего не надо.

ОЛЬГА. Чё сготовить, может?

ЭЛЬЗА. Ничего не нужно.

ОЛЬГА. Ма? Дашка тебе мелкую свою подкинет сегодня вечером, посидишь?

ЭЛЬЗА. Оля, я что-то чувствую себя нехорошо. Хочу одна побыть.

ОЛЬГА. Так, а в чем проблема? Вот и побудешь с мелкой одна. Дашка с мужем на свадьбу собрались. Пятачкова замуж за Порася выходит. Смешно, да? Была Пятачкова, станет Порась. А ты же у нас в девичестве кто была?

ЭЛЬЗА. Ты же знаешь.

ОЛЬГА. Ну скажи, я никак заучить не могу... Блюмма...

ЭЛЬЗА. Блюментрост.

ОЛЬГА. Как еще раз?

ЭЛЬЗА. Блюментрост.

ОЛЬГА. О как! А стала Кравчук. Тебе на свадьбе не обидно было такую фамилию менять?

ЭЛЬЗА. Нет. А свадьбы у нас не было, я тебе говорила.

ОЛЬГА. Ну, какая-то все равно была?

ЭЛЬЗА. Никакой не было. Оля, а ты не знаешь в городе магазины, где можно хорошие туфли купить?

ОЛЬГА. Да полно!

ЭЛЬЗА. Только мне нужны хорошие, понимаешь? Из кожи, на небольшом каблучке. Можно с бантиком.

ОЛЬГА. Ты чё, мам? Какие бантики по нашей грязи?

ЭЛЬЗА. Ничего страшного. Я аккуратно.

ОЛЬГА. Ладно, будет у меня выходной – съездим с тобой в город.

ЭЛЬЗА. Да нет, я сама съезжу. Ты мне только скажи, как проехать.

ОЛЬГА. Что ты придумала, никак в толк не возьму. Зачем тебе туфли на каблучке? (Смотрит на стол.) Мам... А где папин портрет?

ЭЛЬЗА. Да я убрала в шкаф подальше... Боюсь, как бы мухи не загадили.

ОЛЬГА. У тебя в доме нет мух. Мам? Это что значит?

ЭЛЬЗА. Оленька, ну зачем он будет на меня смотреть, если мы его похоронили?

ОЛЬГА. Это значит, ты уже через неделю папу в шкаф жить отправила? Как будто и не было его? Как будто не он этот дом построил?

ЭЛЬЗА. Он, он... Ну зачем?..

ОЛЬГА. Где он? (Открывает шкаф, роется в нем.) Где он?

ЭЛЬЗА. Не устраивай мне бардака, Оля. На средней полке, под полотенцами.

Ольга вытаскивает фотографию отца.

ОЛЬГА. Вот он, мой папочка... (Целует фотографию.) Я его к себе жить заберу, раз тебе он не нужен. Пойдешь ко мне жить, папа?

ЭЛЬЗА (писклявым голосом). Пойду.

ОЛЬГА (оборачивается). Мам, ты совсем из ума выжила?

ЭЛЬЗА. Ну, а что ты тут устраиваешь?

ОЛЬГА. Я устраиваю? Это, значит, я устраиваю? Всё, мам, не хочу с тобою ссориться. Ты просто сама не понимаешь, как это сейчас выглядит со стороны! Так, папа, уходим... Есть куда его завернуть? (Достает из шкафа полотенце, заворачивает портрет отца.) Полотенце верну. Дашка с мелкой придут где-то в пять. Вот уж не ожидала от тебя!

Ольга уходит. Эльза остается сидеть на диване. Вытягивает худые ноги, рассматривает их, вертит ступнями так, как будто на ногах у нее новенькие туфли с бантиками.

3

Эльза катит коляску по проселочной дороге.

ЭЛЬЗА (поет). Schlaf, Kindlein, schlaf,
 Der VaterhütdieSchaf,
 DieMutterschütteltsBäumelein,
 DafälltherabeinTräumelein.
 Schlaf, Kindlein, schlaf!

Колесо от коляски отлетает, падает в грязь.

ЭЛЬЗА (выругивавшись). Ты ж меня пыдманула!

Эльза берет колесо, пытается прикрутить его к коляске. Получается плохо. Из-за ближайшего забора выглядывает пожилой мужчина – Василий. Какое-то время он наблюдает за тщетными попытками Эльзы прикрутить колесо.

ВАСИЛИЙ. Не получается?

ЭЛЬЗА. А вы не видите?

ВАСИЛИЙ. Старая коляска?

ЭЛЬЗА. Была бы старая, еще бы не одному поколению послужила. А это новье – ни кожи, ни рожи. Косорукие делали для таких же косоруких.

ВАСИЛИЙ. Ну, зачем же вы сразу всех обзываете? (Выходит из калитки, помогает Эльзе приделать колесо.) Ну вот, видите! Я не косорукий.

ЭЛЬЗА. Это еще проверить надо.

ВАСИЛИЙ. Так давайте проверим!

ЭЛЬЗА. Это каким образом?

ВАСИЛИЙ. Каким скажете.
ЭЛЬЗА. Ой... Да мне не нужно от вас ничего...
ВАСИЛИЙ. А мне вот нужно.
ЭЛЬЗА. Что?
ВАСИЛИЙ. Узнать, как вас зовут.
ЭЛЬЗА. Меня? Эльза Александровна я.
ВАСИЛИЙ. Эльза. Какое имя... Эльза!
ЭЛЬЗА. Так себе имя, прямо скажем.
ВАСИЛИЙ. А я настаиваю на том, что имя замечательное.
ЭЛЬЗА. Особенного счастья оно мне в жизни не принесло.
ВАСИЛИЙ (кивает на коляску). Внук?
ЭЛЬЗА. Правнучка. Народили на мою голову.
ВАСИЛИЙ. Дело молодое, хочется еще погулять.
ЭЛЬЗА. Мы же как-то обходились без гулянок.
ВАСИЛИЙ. Ну, это кто как...
ЭЛЬЗА. Приличные люди, во всяком случае, обходились.
ВАСИЛИЙ. Эвона как! Всех гуляющих в неприличные записали!
ЭЛЬЗА. Спорить не буду, я эту сторону жизни мало знаю. Но по телевизору насмотрелась на этот разврат.
ВАСИЛИЙ. «Дом-2» смотрите?
ЭЛЬЗА. И его тоже! Позор, а не передача! Тьфу!
ВАСИЛИЙ. А зачем смотрите?

Пауза.

ЭЛЬЗА. Ладно, мне пора, правнучку нужно домой вести.
ВАСИЛИЙ. Подождите. А меня спросить?
ЭЛЬЗА. Что спросить?
ВАСИЛИЙ. WieheissenSie?
ЭЛЬЗА. Вы это сейчас на что намекаете?
ВАСИЛИЙ. Ну, вы же по-немецки сейчас пели?
ЭЛЬЗА. Это ничего не значит! Что вы прицепились ко мне? Что вам нужно?
ВАСИЛИЙ. Да перестаньте вы! Я просто со школы знаю две фразы.
WieheissenSie? Mein name istВасилийИгнатьевич. Можно просто Вася.
ЭЛЬЗА. В гости к кому-то приехали, Василий Игнатьевич?
ВАСИЛИЙ. Просто Вася. Да нет. Я сам себе гость. Я из города. А здесь вот домик прикупил, так сказать, на старости лет. Огородик вот вскопал. Буду я теперь, значит, дачником.
ЭЛЬЗА. Далеко вы забрались...
ВАСИЛИЙ. Далеко. На поезде как-то мимо вашей деревни проезжал. Засмотрелся. Места у вас красивые.
ЭЛЬЗА. Комарья только много.
ВАСИЛИЙ. Ну... Комарья в Сибири везде навалом.
ЭЛЬЗА. Тоже верно. Много уже посадили?

ВАСИЛИЙ. Много.

ЭЛЬЗА. А что посадили?

ВАСИЛИЙ. Газон. Много газона.

ЭЛЬЗА. И всё?

ВАСИЛИЙ. А мне большего не надо. Так, чтобы глаз радовался... Все остальное в магазине можно купить.

ЭЛЬЗА. Для глаз обычно цветы сажают.

ВАСИЛИЙ. А цветы я не умею. Розы хочу посадить. Любите розы?

ЭЛЬЗА. Не знаю. Капризные они, говорят. У вас выправка такая... Вы что, бывший военный?

ВАСИЛИЙ. Да нет. Учитель географии. А спина – это от зарядки по утрам.

ЭЛЬЗА. Ой, а я тоже зарядку делаю. Меня мама с детства приучила. Умри, но сделай!

ВАСИЛИЙ. Какая правильная у вас мама была.

ЭЛЬЗА. Да, только судьба ей досталась...

ВАСИЛИЙ. Эльза, а вы приходите ко мне в гости? Вместе цветы посадим.

ЭЛЬЗА. Я цветы не умею. Только овощи.

ВАСИЛИЙ. Ну, так и я не умею! Приходите, вместе будем учиться. Я в Интернете инструкцию скачаю.

Пауза.

ЭЛЬЗА. Мне неудобно, у меня траур.

ВАСИЛИЙ. Муж?

ЭЛЬЗА. Он самый. Вдова я теперь.

ВАСИЛИЙ. И я вдовец.

ЭЛЬЗА. Давно?

ВАСИЛИЙ. Год уж как.

ЭЛЬЗА. Вот видите, у вас целый год. А у меня-то всего неделя. Был бы год – тогда конечно...

ВАСИЛИЙ. А все равно – приходите?

ЭЛЬЗА. А когда?

ВАСИЛИЙ. Когда захотите. Завтра сможете?

ЭЛЬЗА. Смогу. Часов в шесть вечера. Ой, нет, это ведь поздно уже...

ВАСИЛИЙ. А разве на свидания по утрам ходят?

ЭЛЬЗА. А вы меня, что же, на свидание приглашаете?

ВАСИЛИЙ. Приглашаю.

ЭЛЬЗА. Вы знаете... Я... Это уж как-то...

ВАСИЛИЙ. Так вы придете?

ЭЛЬЗА. Я... Я не знаю!

ВАСИЛИЙ. Приходите! Соседям надо помогать!

ЭЛЬЗА. Хорошо, я... Я постараюсь!

Эльза уходит, увозя с собой коляску с младенцем.

4

*Поздний вечер. На диване спит младенец. Эльза вытащила из шкафа все свои вещи, перебирает их, рассматривает, прикладывает к себе.
В дом заходит внучка Эльзы Даша.*

ДАША. Бабуль, только не ругайся! Ну, засиделись немного, бывает. У меня телефон разрядился, а в доме часов не было. И спросить было не у кого! И в окно я не глядела!

ЭЛЬЗА. Чай будешь?

ДАША. Да нет, я только за малой! Спасибо тебе, бабуль! Ты у меня лучшая!

ЭЛЬЗА. Подожди. Посиди со мной.

ДАША (садится на диван). Ну?

ЭЛЬЗА. Даша... Я хочу с тобой серьезно поговорить.

ДАША. О чем?

ЭЛЬЗА. Я, твоя бабушка, должна знать. Даша, ты ведь ходила с Вадимом на свидания?

ДАША. Ну было дело...

ЭЛЬЗА. И как?

ДАША (кивает на дочь). Да вроде успешно. Бабуль, ты чего?

ЭЛЬЗА. А вот вы на свиданиях чем занимались?

ДАША. Бабуль... Ты себя хорошо чувствуешь?

ЭЛЬЗА. Очень хорошо. Даша, ты пойми... Просто мне как твоей бабушке это важно. То есть я хотела сказать... В общем, я просто хочу знать, как проходили свидания у моей родной внучки.

ДАША. Да хорошо проходили! Тебе зачем?

ЭЛЬЗА. Вот ты пришла на свое первое свидание, он тебя встретил, так?

ДАША. Так.

ЭЛЬЗА. А дальше? Что ты ему сказала?

ДАША. Ну что сказала... То и сказала...

ЭЛЬЗА. Что?

ДАША. Да не помню я!

ЭЛЬЗА. Ну, вспомни. Это же было твое первое свидание!

ДАША. Кажется: «Привет, боров! Чё звал?» Ну как-то так...

ЭЛЬЗА. Почему «боров»?

ДАША. А кто он?

ЭЛЬЗА. Ну, хорошо. А дальше? Куда вы пошли?

ДАША. Никуда не пошли. За гаражами сели.

ЭЛЬЗА. Почему за гаражами?

ДАША. Чтоб никто не увидел, что я с боровом гуляю.

ЭЛЬЗА. Хорошо. А потом?

ДАША. Потом? А потом он говорит « Я тут видос прикольный скачал на телефон, зацени?»
ЭЛЬЗА. И?.. Что дальше-то?
ДАША. Ну что? Я заценила.
ЭЛЬЗА. А потом?
ДАША. А потом суп с котом. Всё, ба! Я пошла!
ЭЛЬЗА. Да сядь ты! Даша, а вы с ним тогда о чем говорили?
ДАША. О физике, блин!
ЭЛЬЗА. Тише, разбудишь!
ДАША. Ну, о чем – о чем?! Не знаю я, о чем! О чем с боровом разговаривать можно?
ЭЛЬЗА. Зачем же ты за него замуж вышла, если он боров?

Пауза.

ДАША. Ну, так-то он прикольный оказался. Башка варит. Он тогда в техникуме еще учился. А потом через год закончил, и его сразу в прорабы назначили. Тут я к нему и присмотрелась повнимательнее. С лица воду не пить, а с пуза тем более. Ну и вообще – он заботливый такой у меня. И не пьет почти.
ЭЛЬЗА. И что, счастлива ты с Вадимом?
ДАША. Да я откуда знаю... Живем же. Значит, счастлива. (Пауза.) Бабуль, ты не переживай так. Я понимаю, тебе тяжело сейчас. Ты телевизор там чаще смотри. Если не хочется на огороде возиться – сиди дома, отдыхай. Чё мы, не прокормим тебя, что ли?
ЭЛЬЗА. Все хорошо у меня, Даша. Иди.
ДАША. Ну ладно, давай, спокойной ночи.

Даша целует бабушку, берет на руки ребенка, уходит.

5

Вечер. Эльза, озираясь по сторонам, заходит в калитку, ведущую во двор Василия. Из дома выходит Василий. Эльза идет к нему по деревянному настилу. Стучат каблук ее новых туфель.

ЭЛЬЗА. Ой, я опоздала, наверное?
ВАСИЛИЙ. Ничего. Я вас ждал. Думал, не придете.
ЭЛЬЗА. Автобус из города опоздал.
ВАСИЛИЙ. В город, значит, ездили?
ЭЛЬЗА. Ездила...
ВАСИЛИЙ. И... Как в городе?
ЭЛЬЗА. Ничего...
ВАСИЛИЙ. Это хорошо.

ЭЛЬЗА. Что хорошо?

ВАСИЛИЙ. Хорошо, что ничего.

ЭЛЬЗА. А-а-а. Да. Очень хорошо.

Пауза.

ВАСИЛИЙ. Вы, наверное, устали?

ЭЛЬЗА. Нет! Совсем нет!

ВАСИЛИЙ. А хотите, пойдем в дом? А можем здесь, в беседке. Я уже стол накрыл.

ЭЛЬЗА. Да, конечно. Хочу.

ВАСИЛИЙ. В доме или в беседке?

ЭЛЬЗА. В доме. То есть в беседке. То есть где вы скажете.

ВАСИЛИЙ. А вы где скажете?

ЭЛЬЗА. Где вы... То есть в беседке, конечно, лучше. Раз вы уже накрыли, то есть...

ВАСИЛИЙ. Пойдемте.

Василий провожает Эльзу в беседку. Там действительно накрыт чайный стол: заварник, торт, коробка конфет, чашки.

ВАСИЛИЙ. Садитесь.

Эльза садится на лавку. Василий разливает чай по чашкам.

ЭЛЬЗА (оглядываясь по сторонам). Какой у вас красивый... газон.

ВАСИЛИЙ. Спасибо. И вы тоже очень красивая. То есть не тоже, а просто красивая.

ЭЛЬЗА. А я сегодня в городе видела фонтан. Просто фонтан. Но по ночам он, говорят, поет. Поющий фонтан. Удивительно, правда?

ВАСИЛИЙ. О чем поет?

ЭЛЬЗА. Не знаю, я не слышала...

ВАСИЛИЙ. Вы тоже очень хорошо поете. То есть не тоже... Ну, вы тогда пели... Очень хорошо.

ЭЛЬЗА. Эту песню мне пела мама.

ВАСИЛИЙ. Ваша мама была немкой?

ЭЛЬЗА. Да, сейчас об этом уже можно. Она была русской немкой. Папа тоже был немцем. Большевиком. Александр Людвигович Блюментрост. Маму звали Рита.

ВАСИЛИЙ. А мою маму звали Рая.

ЭЛЬЗА. А батюшку?

ВАСИЛИЙ. Игнатом Егоровичем. Он умер от перестройки. Сердце не выдержало. Все семьей пытались телевизор отобрать. Не отдал. И вот... А хотите торт?

ЭЛЬЗА. Да, конечно. Как скажете.

ВАСИЛИЙ. А вы что скажете?

ЭЛЬЗА. Да. Один кусочек, пожалуйста, с розочкой.

Василий кладет Эльзе кусок торта на тарелку.

ВАСИЛИЙ. Кстати о розах. Я скачал инструкцию.

ЭЛЬЗА. Сегодня, наверное, уже поздно сажать розы?

ВАСИЛИЙ. Но ведь вы еще придете?

ЭЛЬЗА. Да... А вы знаете, у меня у правнучки скоро день рождения... Ну это так, к слову... И еще я в хоре пою.

Пауза.

ВАСИЛИЙ. Нравится вам петь в хоре?

ЭЛЬЗА. Нет. Но надо ходить.

ВАСИЛИЙ. Зачем?

ЭЛЬЗА. А то меня Зинаида съест.

ВАСИЛИЙ. За что?

ЭЛЬЗА. Ну как... У нас в деревне есть хор. И Зина там главная. Все старухи должны ходить, иначе...

ВАСИЛИЙ. Что будет?

ЭЛЬЗА. Ну что будет? Зинаида всякие гадости говорить будет.

ВАСИЛИЙ. А какое вам дело до того, что говорят?

ЭЛЬЗА. Может быть, и никакого. Но знаете, мне в жизни хватило людской молвы. Я ее ложками теперь есть могу. Я лучше в хор похожу, от хора у меня голова не отвалится.

Пауза.

ВАСИЛИЙ. А ведь вы не отсюда, не из этих мест?

ЭЛЬЗА. Можно сказать, что из этих. Родом я из Самары. Так в паспорте написано. Но это одно название. Мы ведь сосланные. Отца расстреляли в сороковом. Разошелся во взглядах на коммунизм с начальником Куйбышевского НКВД. Мне тогда и года не было. В сорок первом нас с мамой вместе с другими русскими немцами посадили в теплушки и повезли сюда, в Сибирь. Была осень, одежда на нас была та, какую успели надеть. Шла война, никто не хотел разбираться – кто мы, с кем мы. Пособники фашистов, и всё. По дороге от воспаления легких умерла моя сестра Марта. Ей было шесть лет. Я до сих пор не знаю, где ее могила. Маму определили в трудовую армию. А меня отправили сначала в дом ребенка, а потом уже в детдом. В сорок седьмом маму выпустили. Она меня разыскала, забрала, отмыла, отогрела. Нам разрешили поселиться здесь, в Ярках. Так и остались. Обжились, привыкли. Замуж во второй раз мама так и не вышла. Но хотя бы

внучку на руках успела подержать. Я Ольгу свою хотела Мартой назвать. Муж не разрешил. Не по-русски это.

Молчание.

ВАСИЛИЙ. У вас руки дрожат.

ЭЛЬЗА. Это от холода. Я в этой истории никого не виню. Время такое было. Кого мне винить? Сталина, что ли? Так он уж помер давным-давно. С покойника какой спрос? Я свою жизнь уже прожила. У меня есть дочь, есть внучка, есть правнучка. На что мне жаловаться?

ВАСИЛИЙ. Родственников своих в Германии разыскать не пробовали?

ЭЛЬЗА. Да кого там найдешь! Там уже и не осталось никого, наверное!

Какая из меня немка? Я русская. Только фамилия подвела. Нас таких русских с неправильными фамилиями по всей России знаете сколько? Не всем русским быть Ивановыми да Петровыми. Кому-то надо и Рабиновичем быть, и Блюментростом. В техникуме у меня была подружка, Ривка Рубинчик. Русская еврейка. Мы с ней четыре года за одной партией просидели. Так нас и прозвали: две подружки-хорошистки, жидовка да фашистка. (Смеется.) Я ни на кого не обижаюсь. Время такое было.

ВАСИЛИЙ. Совсем ни на кого?

ЭЛЬЗА. Нет.

ВАСИЛИЙ. Как вам это удается?

ЭЛЬЗА. Не знаю...

ВАСИЛИЙ. А я вот отца до сих пор простить не могу. Все-таки руки у вас дрожат... (Берет Эльзу за руку.) И себя простить не могу. Что против него не пошел. Да как против него пойти было? Я – младший сын, с меня весь спрос. Я закончил семь классов в селе, тут недалеко. Потом уехал на учительские курсы в город. Дальше – больше. Поступил в педагогический. Ну и там встретил девочку. Она была такая худенькая, как тросточка, только-только после тифа. Стриженная под мальчика, тоненькая, в чем только душа держалась? С таким детским голосочком. Родных у нее никого не было. Вообще никого не было. Койкоместо в общежитии – вся ее родня. Мне ее было так жалко. Аж до слез. До комка в горле. Я ей сразу же пообещал жениться. Вот только родителям напишу, и сразу в загс. Ну и что? В июне приехал в город отец. Посмотрел на нее. Сказал: собирайся, поехали. Отвезли меня на все лето к тетке в дальнюю деревню. Мол, они мне подыскали уже невесту. Я отцу говорю: батя, ты чего, у меня ведь есть невеста! Кого там! Нет – и всё! Сиди, морковку жуй, за окно смотри. А за окном, значит, по соседнему огороду эта деревенская ходила. Красивая, ничего не скажу. Попа – во! Коса – до пят! На лице румянец! Но я-то по своей тоскою, по той, болезненной. Хотел велосипед я, значит, старый украсть и до города ехать. А как еще? Денег-то нет. Да и с транспортом тогда не шибко было. Ну, раз на нем прокатился вокруг деревни, два. Нет, не уехать, старый он больно. Так и женили меня в августе на Вале моей. А та, тифозная, когда узнала, на какое-то там строительство подалась. Так я ее больше и не увидел. Но однокурсник

мне в шестьдесят седьмом рассказал, что видел ее на съезде учителей в Москве. Сказал, что выглядит она хорошо и даже сыто, что у нее муж директор школы. А есть ли у нее дети, он почему-то не спросил...

ЭЛЬЗА. Василий, вы меня извините, пожалуйста, но мне нужно срочно уйти.

ВАСИЛИЙ. Что-то случилось?

ЭЛЬЗА. Нет, ничего.

ВАСИЛИЙ. А что тогда? Я вас чем-то обидел?

ЭЛЬЗА. Нет, вы меня совсем не обидели...

ВАСИЛИЙ. Эльза, пожалуйста, я вас прошу, посидим еще немного? Я чайник поставлю?

ЭЛЬЗА. Нет. Все очень хорошо было. Спасибо вам большое за вечер. Но мне нужно, правда...

ВАСИЛИЙ. Вы ничего не съели совсем. А конфеты? «Рафаэлло», с воздушной начинкой внутри...

ЭЛЬЗА. Спасибо. Я в другой раз.

Эльза встает из-за стола.

ВАСИЛИЙ (преграждая дорогу Эльзе). Эльза, нет, нет и нет! Пока мы не выпьем с вами еще по чашке чаю, я вас никуда не отпускаю!

ЭЛЬЗА. Но мне надо!

ВАСИЛИЙ. Да что случилось?

Эльза проскальзывает мимо Василия, выбегает со двора.

Цокают каблук.

ВАСИЛИЙ. Эльза! Господи! Куда вы?

Но Эльза уже скрылась в темноте.

6

Крыльцо деревенского Дома культуры. Василий стоит на крыльце, прислушивается. Из Дома культуры раздается пение. Женские голоса поют: «Ой, ты, степь широкая, ой, ты, степь раздольная, ой, ты, Волга-матушка, Волга долгая...» На крыльцо выходит Таисия Петровна.

ТАИСИЯ. Здравствуйте.

ВАСИЛИЙ. Здрасьте...

ТАИСИЯ. А вы к нам на хор пришли?

ВАСИЛИЙ. Не совсем.

ТАИСИЯ. А Зина мужчин на хор не пускает.

ВАСИЛИЙ. Правильно.

ТАИСИЯ. Потому что они сами не хотят к нам ходить. А если захотели бы, она бы, может, и пустила.

ВАСИЛИЙ. Логично.
ТАИСИЯ. А вы к нам откуда приехали?
ВАСИЛИЙ. Из города.
ТАИСИЯ. Жить или так, проведать кого?
ВАСИЛИЙ. Да, пожалуй, поживу...

Пауза.

ТАИСИЯ. А я вдова...
ВАСИЛИЙ. Сочувствую.
ТАИСИЯ. Приятно.
ВАСИЛИЙ. Что?
ТАИСИЯ. Ваше сочувствие.
ВАСИЛИЙ. Хорошо.
ТАИСИЯ. Что ж, я не против. Сочувствуйте на здоровье.
ВАСИЛИЙ. Сочувствую.
ТАИСИЯ. Сочувствуйте, сочувствуйте, мне приятно...
ВАСИЛИЙ (раздраженно смотрит на двери Дома культуры). Я рад.

Наконец выходят Зинаида Михайловна и Эльза.

ЭЛЬЗА. Василий Игнатьевич?
ВАСИЛИЙ. Просто Вася.
ЗИНАИДА. Ой, кого это к нам занесло? Вы к кому, молодой человек?
Неужели к нам в хор записываться? Если в хор, то это ко мне! Я здесь главная. Пойдемте...
ВАСИЛИЙ. Да нет, я у вас Эльзу на пару слов хочу забрать.
ЗИНАИДА. Что еще за пара слов? Элечка, ты его знаешь?
ЭЛЬЗА. Да... Это мой... Знакомый. Василий Игнатьевич, познакомьтесь.
ЗИНАИДА. Очень приятно. Зина.

Зинаида Михайловна протягивает Василию руку.

ТАИСИЯ. Таисия Петровна.

По примеру Зинаиды также протягивает руку Василию.

ВАСИЛИЙ (пожимая руки обеим). Приятно было познакомиться, барышни.
(Берет Эльзу под руку и резко сворачивает в переулок.) Ну и куда вы
пропали?
ЭЛЬЗА. Зачем вы пришли?
ВАСИЛИЙ. Я вас повсюду искал.
ЭЛЬЗА. Зачем?
ВАСИЛИЙ. Так, от скуки! А если бы на вас напал маньяк?

ЭЛЬЗА. Когда?
ВАСИЛИЙ. Тогда, когда вы убежали в темноте.
ЭЛЬЗА. Зачем маньяку на меня нападать?
ВАСИЛИЙ. Как зачем? Зачем они вообще нападают на женщин?
ЭЛЬЗА. Василий, а вы вообще-то не забыли, сколько мне лет?
ВАСИЛИЙ. Маньяку все равно, сколько лет женщине. Главное, что красивая.
ЭЛЬЗА. Очень смешно.
ВАСИЛИЙ. А вы – красивая. Но дурная. Убегаете от меня...
ЭЛЬЗА. А что я должна была сделать? Мне было неловко. Я вообще-то пожилой человек. А с пожилыми людьми случаются конфузы.
ВАСИЛИЙ. Ну, я тоже не юноша, знаете.
Пойдемте ко мне розы сажать? Вы ведь так и не попробовали «Рафаэлло».
ЭЛЬЗА. Вы меня откормить решили?
ВАСИЛИЙ. Скорее, прикормить. Вы худая, вас уже не откормишь.
ЭЛЬЗА. Отцовская порода.
ВАСИЛИЙ. Идемте!

Василий уводит Эльзу.

7

Вечер. Двор Василия Игнатьевича. За столом в беседке сидят Эльза и Василий. Пьют чай.

ВАСИЛИЙ. Вы ешьте, ешьте...
ЭЛЬЗА. Я ем, спасибо... Я до еды раньше жадная была. Потому что ее не было, еды-то. А потом прошло. Старость, наверное. Старость – это когда ничего не хочется. А я раньше времени постарела, стало быть.
ВАСИЛИЙ. Не нужно вам стареть. Я, знаете, как думаю? Когда мне было пять, это был я. Когда мне было десять, это тоже был я. И в пятнадцать, и в тридцать. А сейчас мне уже много, и это все равно я. А если я – это я и в пять, и сегодня, значит, старости нет.
ЭЛЬЗА. А вот не скажите, все-таки есть. Когда я жила в детском доме, я ждала маму и верила, что дальше все будет гораздо лучше. Потом мы жили с мамой, я была школьницей и знала, что очень скоро все изменится. А потом, когда мы поженились с Петей и я родила свою Ольгу, я перестала верить. Поняла, что ничего не будет лучше. Что жизнь – она как паек в детском доме. Дали тебе миску с похлебкой, и ешь ее. Не хочешь – другой не будет.
ВАСИЛИЙ. А если будет?
ЭЛЬЗА. Только романтики так думают. Я рада той жизни, которую прожила. Она была, конечно, не самой удивительной, не самой лучшей. Но она все-таки была. У меня все есть. Есть дочь, внучка, правнучка, есть мой дом, мой огород, мои грядки...
ВАСИЛИЙ. Розы! Мы опять про них забыли!

ЭЛЬЗА. Ну вот... Опять... Не переживайте, завтра посадим.

ВАСИЛИЙ. А я не переживаю.

ЭЛЬЗА. Не переживаете?

ВАСИЛИЙ. Нет.

ЭЛЬЗА. Не переживайте. Я завтра к вам приду.

ВАСИЛИЙ. Вы так говорите, как будто домой собрались.

ЭЛЬЗА. Вообще-то уже вечер.

ВАСИЛИЙ. Ну и что? Мы люди старые, нам завтра не на работу.

ЭЛЬЗА. Нет.

ВАСИЛИЙ. Я только в начале лета ушел из школы. Попросили. Я не в обиде, я понимаю. Я старый. А им нужны молодые. Но через два месяца первое сентября. Боюсь, буду хандрить, обижаться. Но ведь обижаться нельзя. Я старый, они молодые. Все правильно. Но все равно обижусь. Такой уж характер.

ЭЛЬЗА. Разве у вас плохой характер?

ВАСИЛИЙ. Не плохой, но противный. С годами я стал очень упрям. Это, конечно, хорошо, но иногда бывает плохо.

ЭЛЬЗА. Вася, я вас давно хотела спросить...

ВАСИЛИЙ. Спрашивайте.

ЭЛЬЗА (вытягивает ноги). А вам нравятся мои туфли?

ВАСИЛИЙ. Вы в них похожи на кузнечика.

ЭЛЬЗА. Это плохо?

ВАСИЛИЙ. Нет, это хорошо. (Гремит гром.) Кажется, дождь начинается.

ЭЛЬЗА. Может, еще обойдет стороной?

Первые крупные капли падают на землю.

ЭЛЬЗА. Не обойдет.

ВАСИЛИЙ. Пойдемте в дом?

Начинается ливень.

ВАСИЛИЙ. Бежим!

ЭЛЬЗА. А конфеты? А чайник?

Эльза пытается собрать чашки, чайник и конфеты.

ВАСИЛИЙ (утягивает ее за руку). Бог с ними!

*Василий снимает пиджак, прикрывает им Эльзу. Они бегут к дому.
В доме Эльза осматривается.*

ЭЛЬЗА. Как у вас интересно. Вы книги из города привезли?

ВАСИЛИЙ. Да, не могу без них, привычка. А пойдете на чердак? Там, правда, немного грязно, зато как в детстве.

ЭЛЬЗА. А я ни разу в жизни не была на чердаке. Даже в детстве.

ВАСИЛИЙ. Как такое возможно?

ЭЛЬЗА. Мы с мамой жили в теплушке, у нас не было чердака. А потом я вышла замуж.

ВАСИЛИЙ. Муж не разрешал вам лазить на чердак?

ЭЛЬЗА. Муж... Он был такой... Он бы этого не понял.

ВАСИЛИЙ. Ну так идемте скорее!

*По маленькой скрипучей лестнице Василий и Эльза забираются на чердак.
Эльза чихает.*

ВАСИЛИЙ. Будьте здоровы!

ЭЛЬЗА. И вам не болеть.

Оба вдруг смеются. Дождь изо всех сил барабанит по крыше.

ЭЛЬЗА. А что люди делают на чердаках?

ВАСИЛИЙ. Строят дома.

ЭЛЬЗА. Это как?

ВАСИЛИЙ. А вот так. (Накрывает старый стол каким-то покрывалом.)

*Залезайте скорее.
Василий помогает Эльзе залезть под стол.*

ЭЛЬЗА. И что в этих домах делают?

ВАСИЛИЙ. Играют в пиратов. Рассказывают страшные истории.

ЭЛЬЗА. Расскажите одну...

ВАСИЛИЙ. Одна маленькая девочка заблудилась в темном-темном лесу и встретила там волка. Страшно?

ЭЛЬЗА. Нет.

ВАСИЛИЙ. Почему?

ЭЛЬЗА. Потому что она взяла с собой ружье. Кто бы отпустил маленькую девочку в лес без ружья?

ВАСИЛИЙ. Хорошо. Тогда расскажите свою.

Пауза.

ЭЛЬЗА. Одного человека вызвали в НКВД. Он знал, что с ним хотят поговорить о каком-то важном деле. Поэтому он помылся, побрился и надел рубашку с галстуком. Он ушел, и больше его никто не видел. А это страшно?

ВАСИЛИЙ. Таких историй много.

ЭЛЬЗА. В детстве я думала, что страшнее этого ничего не может быть.

ВАСИЛИЙ. Еще на чердаке читают книги. Про пиратов или обычные. Только нужен фонарик.

ЭЛЬЗА. Я видела какие-то книги на столе.

Эльза выглядывает из укрытия, вытягивает со стола первую попавшуюся книгу. Василий достает сотовый телефон, включает его как фонарик.

ВАСИЛИЙ. Страница семьдесят два, четырнадцатая строчка сверху.

ЭЛЬЗА (вглядывается в буквы, сбивчиво читает).

Любовь богаче делом, чем словами:
Не украшением – сущностью гордится.
Лишь нищий может счесть свое именье;
Моя ж любовь так возросла безмерно,
Что половины мне ее не счесть.

Эльза неловко откладывает книгу.

ЭЛЬЗА. Вы что-нибудь поняли? Я – нет! Белиберда, правда? (Смеется, вылезает из-под стола.) Вот сколько всего я, оказывается, пропустила.

Василий вылезает из-под стола следом за Эльзой.

ВАСИЛИЙ. Не переживайте, вы быстро наверстаете. (Тихонько напевает.)
Трам-таратам-тарарам-трам-там-там... Был в моей юности такой вальс.
Помните?

ЭЛЬЗА. Вот этот? Трам-там-да-да-трам-да-ра-рам?

ВАСИЛИЙ. Нет, там дальше было (берет Эльзу за руки, кружится с ней)
трам-та-да-дам-трам-тарам-трам-тарам.

ЭЛЬЗА. Там-та-да-да-та-да-та-да-да...

ВАСИЛИЙ. А вы любите танцевать?

ЭЛЬЗА. Я не знаю. Никогда не пробовала.

ВАСИЛИЙ. Неужели вы с мужем не ходили на танцы?

ЭЛЬЗА. Нет. Мой муж, он был такой... Как вам сказать... Я бы не сказала, что он был злой. Для Оли он всегда был добрый, например. Но я ему сломала жизнь, понимаете? И вот за это он меня, конечно, ненавидел.

ВАСИЛИЙ. Как же вы так умудрились?

ЭЛЬЗА. Не знаю. Я закончила техникум, вернулась в деревню, устроилась учетчицей в колхоз. Он работал там шофером. Поздно вечером предложил подвезти. Я была наивная и ни о чем таком не подозревала даже. А он выпивший был. Вырывалась, кричала. Он потом сказал: раз сама в машину села, значит, хотела. Я забеременела Олей. Ну, а Петя вроде как испугался огласки, пришел свататься. Мать сказала – выходи, деваться некуда. Ты – немка, бесприданница, да еще и с таким позором, кто на тебя позарится? Вот я и вышла. Сломала ему жизнь. Меня он бил, обзывал по-разному, всякое

случалось. А для Оли был готов на все. Как будто два разных человека в нем сидели. Олю он всюду с собой брал. А мы с ним никуда не ходили. Так и прожили, словно чужие

Дождь кончился. И вдруг захотелось конфет.

ВАСИЛИЙ. Я принесу.

ЭЛЬЗА. Пойдемте вместе? Не хочу без вас...

ВАСИЛИЙ. Давайте руку. (Берет Эльзу за руку.) Она у вас дрожит.

ЭЛЬЗА. Это потому что жарко...

ВАСИЛИЙ. Или потому что холодно.

ЭЛЬЗА. Но ведь это одно и то же.

ВАСИЛИЙ. Я скажу сыну, он привезет мне из города целый багажник конфет.

ЭЛЬЗА. Нет, что вы. Мне хватит одной.

ВАСИЛИЙ. Я все равно скажу. Лето только начинается.

ЭЛЬЗА. А у меня огород не полот.

ВАСИЛИЙ. Ну и пусть зарастает. Зачем он вам нужен? У меня есть газон. Много газона. Нам хватит.

ЭЛЬЗА. Завтра обязательно посадим розы. (Вдруг целует Василия в щёку)

8

Дом Эльзы. Эльза вытащила из шкафа весь свой скудный гардероб, аккуратно разложила на диване платья, блузки, юбки. Заходит Ольга.

ЭЛЬЗА. Оля? Вот решила провести ревизию, давно не разбирала шкаф...

ОЛЬГА. Мама?! Ну и с кем это ты вчера в палисаднике обнималась? Мне соседи доложили.

Эльза уходит на кухню. Ольга идет за ней.

ЭЛЬЗА. Чаю хочешь?

ОЛЬГА. Ты мне на вопрос ответь.

ЭЛЬЗА. Да с кем, с кем... Я не знаю. Люди тебе всякое скажут...

ОЛЬГА. Приехали! Я чего угодно от тебя могла ожидать! Мама, ты дату рождения в своем паспорте видела? Тебе уж помирать пора, прости господи, а ты на гульки побежала!

ЭЛЬЗА. Не надо разговаривать со мной в таком тоне!

ОЛЬГА. А в каком, в каком еще тоне с тобою разговаривать? Ты – девочка малолетняя? Или совсем в старческий маразм впала? На всю деревню позор! Не успела мужа схоронить, побежала на гулянки!

ЭЛЬЗА. Ну, допустим, мужа я схоронить все-таки успела...

ОЛЬГА. Сорок дней не прошло. Ты – предательница, понимаешь? Самая настоящая! Отец для тебя все, все сделал – дом построил, сад, все своими руками! А ты...

ЭЛЬЗА. А что я от отца-то твоего за все эти годы видела? Слова доброго не сказал! Только и слышала: голодранка, стерва, фашистка! Ни цветочка, ни конфетки за всю жизнь не принес!

ОЛЬГА. А тебе дома мало?

ЭЛЬЗА. Дом, дом! Всю жизнь только на этот дом и горбатились! На этот огород! С утра до ночи не разогнуться! Ни семьей собраться, ни чаю выпить посидеть, а только – работай, работай давай, не сиди, впахивай, не сахарная поди!

ОЛЬГА. Ну, уж извините, сударыня, не дал вам бог богатеньких родственников! Если бы не отец, где бы ты сейчас была?

ЭЛЬЗА. Тебя не спросила!

ОЛЬГА. Да сдохли бы вы с бабкой в своей теплушке от голода! Отец тебя из грязи в князи вытащил, всю жизнь на дом, на семью горбатился. И вот, дожили! Побежала в палисадник обниматься! В палисадник, который, между прочим, твой муж построил!

ЭЛЬЗА. Всю жизнь в галошах, черт-те в чем, с культей на голове. (Идет в комнату, собирает в охапку свои вещи.) Вот что он мне оставил, вот!

Сломанную руку и тряпье из сельмага! Богато уже ведь жили, а он все на рынках торговался, за каждую копейку, думала, удавится. Попросила помаду однажды. Не для вашего рыла – было мне сказано, – не про вашу честь.

ОЛЬГА. Значит, ты ему мертвому отомстить теперь решила, так сказать?

ЭЛЬЗА. Нет! Не хочу я никому мстить! А если я по правде в первый раз в жизни? А если он человек хороший, если он разговаривает со мной, если мне с ним дышать по-другому сразу...

ОЛЬГА. Мам, ты совсем?

ЭЛЬЗА. Мы с ним стихи читали, я не поняла ничего, вальс танцевали, конфеты на столе, и еще багажник будет, на чердаке дождь стучит, туфли новые, я в них на чердак не побоялась, он мне руку протянул и потом...

ОЛЬГА. Мама, что с тобой?

ЭЛЬЗА. Олечка, просто я...

ОЛЬГА. Мам, еще раз такое скажешь, я тебе дурку вызову, я серьезно.

ЭЛЬЗА (вдруг замирает, загнанно смотрит на дочь). Уходи!

ОЛЬГА. Ты меня выгоняешь?

ЭЛЬЗА. Да. Это мой дом.

ОЛЬГА. Такой же твой, как и мой. Отец его строил для нас.

ЭЛЬЗА. Я здесь пока еще хозяйка. Уходи.

ОЛЬГА. Кто он?

ЭЛЬЗА. Этого я тебе уж точно не скажу.

ОЛЬГА. Кто он? Говори!

ЭЛЬЗА. Пошла вон!

ОЛЬГА. Ты дождешься у меня, я тебя точно в дурку...

Ольга уходит. Эльза топчет брошенные на пол вещи.

Магазин. Марина, как всегда, смотрит телевизор. У прилавка стоят Зинаида Михайловна и Таисия Петровна.

ЗИНАИДА. А ведь правильно он ее, выходит, бил. Так сказать, на будущее...

ТАИСИЯ. Только вот не помогло. Мой Слава помер, я два месяца с кровати встать не могла. А она...

ЗИНАИДА. А ведь в ней, Таечка, и в молодости что-то такое было. Я вот тоже была красивая, мне это все подтверждали, а вот такого интереса с мужской стороны не было.

ТАИСИЯ. Не было.

ЗИНАИДА. А Гришка-то, зампреда колхоза, на меня как смотрел, как смотрел! А я в его сторону даже головы не повернула!

ТАИСИЯ. А как ты узнала тогда, что он на тебя смотрел?

ЗИНАИДА. Ну как, как? Как люди узнают? Он и сейчас смотрит.

ТАИСИЯ. Так ему уж девяносто лет, и он парализованный лежит.

ЗИНАИДА. Ну и что? Он же парализованный, а не слепой. Его дочь летом на скамеечку посадит, я мимо ихнего дома прохожу, а он сидит и смотрит.

ТАИСИЯ. Так он сейчас на всех смотрит.

ЗИНАИДА. Ну не знаю... Легкодоступная она была, вот как это называется.

Она это по молодости-то, видно, скрывала, а к старости вон чё – повылезло!

А я помню: ночь, зима, темно, она по морозу бежит босиком в ночнушке, а он ее матом гонит.

Обе смеются.

ТАИСИЯ. Чудил Петя, царствие ему небесное!

ЗИНАИДА. Петя, конечно, тоже не подарок у нее был, чего скрывать. Он мне сам рассказывал: забеременела она, значит, говорит – буду рожать. Он ей: куда рожать? Ольга у них тогда заболела, помнишь? Ты чего, мол, удумала... А она: нет, и всё. Хотела она шибко второго ребенка, тоже можно понять. Он ей как даст по животу: не будет у тебя никакого ребенка, не устраивай мне тут. Выкуси!

ТАИСИЯ. А сам потом на свадьбе у моей Ленки плакался, что Элька-курва сына ему не родила.

ЗИНАИДА. Ну это когда уже было... Это уж потом, отошел когда маленько. Тоже ведь, поди, переживал.

ТАИСИЯ. А я вот Славе сына родила.

ЗИНАИДА. Ну и где твой сын?

ТАИСИЯ. Вот выйдет из тюрьмы и сам тебе расскажет где.

ЗИНАИДА. А вот, с другой стороны, и Пугачиха вон чё творит со своим Галкиным. И Путин развелся.

ТАИСИЯ. А это у него политика такая.

ЗИНАИДА. Какая такая политика? Разводиться?

ТАИСИЯ. Да, вот такая его политика, и все тут. Вот он чё скажет, то и будет, а если даже мы не поймем, то это такая политика. Это как при Сталине, только в телевизоре. Вот так я считаю.

В магазин заходит Эльза.

ЗИНАИДА. Элечка! Ну как дела у тебя? Как самочувствие?

ЭЛЬЗА. Слава богу.

ЗИНАИДА. Туфли у тебя какие модные! Я на молодых девчонках такие видела. Они на молодых-то хорошо сидят. На молодых все хорошо сидит, чего говорить? В городе покупала?

ЭЛЬЗА. В городе, в городе. Марина, булку хлеба, пачку чая, пожалуйста.

ТАИСИЯ. У нас тут очередь, Элечка. Мы занимали.

ЭЛЬЗА. Ну хорошо, я постою.

МАРИНА. Вы тут уже полчаса стоите, трындите.

ЗИНАИДА. А ты мне не хами! Ишь какая хамка выискалась! Сколько хочу, столько и буду стоять.

МАРИНА. Да мне-то что – стойте хоть до вечера. Только работать не мешайте.

Марина отпускает Эльзе хлеб и чай.

ЭЛЬЗА (рассчитываясь). Спасибо.

ЗИНАИДА. А вы, Элечка, с Василием Игнатьевичем теперь как – сожительствовать будете или просто в гости друг к другу ходить?

ЭЛЬЗА. А это не твое дело, Зина.

ЗИНАИДА. Ну вот что ты сразу на меня обижаешься?

ТАИСИЯ. Да.

ЗИНАИДА. Мы же по-дружески... И ведь всю жизнь ты такая обидчивая.

ТАИСИЯ. Да.

ЭЛЬЗА. Как захотим – так и будем жить.

ЗИНАИДА. И правильно, Элечка! Это оно в молодости так: нужно честь беречь, замуж выходить, жить по закону... А в старости-то чего уж таиться, так ведь? Я считаю, тут ничего позорного нет. Снюхались – хорошо, а пошел какой разлад – так и разбежались без всяких там проволочек!

ТАИСИЯ. Да!

МАРИНА. Эльза Александровна, вы их не слушайте! Я вами восхищаюсь как женщиной! Я в свои годы не могу мужика нормального найти, а вы в вашем возрасте городского и непьющего подцепили! Вы гордиться должны!

ЭЛЬЗА. Да ну вас! Сплетницы!

*Эльза уходит. Бежит по дороге в своих туфлях на каблуках.
Спотыкается. Трет ногу. Больно. И каблук сломан.*

Эльза заходит во двор к Василию. Туфли у нее в руках. Слезы размазаны по щекам. Василий выходит из дома.

ВАСИЛИЙ. Элечка? Что с вами?

ЭЛЬЗА. Я каблук сломала!

Эльза утыкается Василию в грудь и плачет.

ВАСИЛИЙ. Ну что же это такое, зачем плакать? Мы починим. Я вот сейчас возьму молоток, возьму гвозди, клей, и мы все починим.

ЭЛЬЗА. Они новые, из магазина, три тысячи рублей стоили! Надо мной все смеются, все за спиной меня обсуждают!

ВАСИЛИЙ. Ну, подумаешь, сломался каблук, с кем не бывает? Вот так повод для обсуждений.

ЭЛЬЗА. Из-за вас, из-за вас они меня... Не успела мужа схоронить, а уже на гулянки побежала. Говорят, что мы с вами, как собаки, снюхались. А чего, мол, раз вдова, теперь все можно, говорят...

ВАСИЛИЙ. Так. Во-первых, я купил конфеты. И сейчас я вас буду ими кормить. Пойдемте в дом.

Василий заводит Эльзу в дом. Ставит чайник, кладет на стол четыре коробки конфет.

ВАСИЛИЙ. Выбирайте, какие вам больше нравятся.

ЭЛЬЗА. Зелененькие. (Открывает коробку, рассматривает конфеты.)

Красивые. Как их есть-то?

ВАСИЛИЙ. Берете конфету и отправляете в рот.

Эльза послушно выполняет совет Василия.

ВАСИЛИЙ. Во-вторых, давайте вашу туфлю. Я ее сейчас починю. А в-третьих, почему «как собаки»? Возьмем да и поженимся, вот делов-то.

ЭЛЬЗА. Как это?

ВАСИЛИЙ. В загсе.

ЭЛЬЗА. В платье?

ВАСИЛИЙ. А вы хотите голышом?

ЭЛЬЗА. Нет, я платье хочу.

ВАСИЛИЙ. Значит, купим платье.

ЭЛЬЗА. Я мешанка, да?

ВАСИЛИЙ. Это плохо?

ЭЛЬЗА. Не знаю. Я вас полюбила.

ВАСИЛИЙ. Я вас тоже.

ЭЛЬЗА. А они?

ВАСИЛИЙ. Что они?

ЭЛЬЗА. Они будут говорить.

ВАСИЛИЙ. Они всегда что-нибудь говорят.

ЭЛЬЗА. А пойдете ко мне в гости? У меня есть две фотографии, где я молодая.

ВАСИЛИЙ. Зачем вы мне молодая?

ЭЛЬЗА. Молодая лучше, чем старая.

ВАСИЛИЙ. Вы там на фотографии, а здесь живая.

ЭЛЬЗА. Вы меня подержите за руки, а то они у меня дрожат.

Василий берет Эльзу за руку.

ЭЛЬЗА. И как же это все будет?

ВАСИЛИЙ. Что?

ЭЛЬЗА. Свадьба. Оля не придет. И никто не придет.

ВАСИЛИЙ. А зачем нам кто-то?

ЭЛЬЗА. Незачем.

ВАСИЛИЙ. А вы знаете, я ведь, кроме нашей и соседней области, никогда нигде не был. Учитель географии, называется.

ЭЛЬЗА. Я тоже. Только совсем маленькая в Самаре.

ВАСИЛИЙ. У вас хотя бы бабушка была.

ЭЛЬЗА. Скажете...

ВАСИЛИЙ. Вот ведь как странно – я никогда нигде не был. Вот, например, в Европе. Европа находится на западе Евразии и занимает площадь около десяти миллионов квадратных километров. Она расположена преимущественно в умеренных широтах. Только крайние северные и южные ее части заходят в субарктический и субтропический пояса. Площадь европейских островов превышает семьсот тысяч квадратных километров. Это Новая Земля, архипелаг Земля Франца-Иосифа, Шпицберген, Исландия, Великобритания, Ирландия. В Средиземном море расположены такие крупные острова, как Корсика, Сицилия, Сардиния. Альпийско-Гималайский пояс объединяет складчатые области Южной и Западной Европы, Юго-Восточной Азии, а также побережья Северной Африки. Я всю жизнь рассказывал это детям. Я знаю, как выглядят Индонезийские острова, Америка, Гренландия, Африка. На карте. Я знаю численность населения Шри-Ланки, знаю длину Нила и Ганга. Озеро Балатон в Венгрии. Шервудский лес. Норвежские фьорды. Баскония. Я все про это читал. Но никогда не видел.

ЭЛЬЗА. А я даже не читала. Но говорите вы красиво.

ВАСИЛИЙ. Элечка, а поехали по миру кататься?

ЭЛЬЗА. Как это?

ВАСИЛИЙ. На самолете. Я вам буду показывать мир.

ЭЛЬЗА. Я никогда не летала на самолете. Это, наверное, очень дорого.

ВАСИЛИЙ. Ничего страшного. Я продам квартиру.

ЭЛЬЗА. Вы с ума сошли? Квартира – это же...

ВАСИЛИЙ. Что?

ЭЛЬЗА. Это же квартира в городе!

ВАСИЛИЙ. Ну и что? У меня останется дом с газоном. Когда мы вернемся, будем жить здесь. Начнем со Швейцарии. От Альпийских гор тронемся на юг. Двинемся вдоль Средиземного моря, затем причалим к островам Италии. Оттуда переправимся в Тунис. Там мне придется надеть чалму, а вам хиджаб. Когда надоест, полетим в Южную Америку. Затеряемся среди местного населения...

ЭЛЬЗА. А что мы там будем делать?

ВАСИЛИЙ. Камушки на море собирать. Вы видели море когда-нибудь?

ЭЛЬЗА. Может быть, лучше сначала в Анапу?

ВАСИЛИЙ. Нет, в Анапу потом.

ЭЛЬЗА. А если мы уедем и никогда больше не вернемся?

ВАСИЛИЙ. Ну и что?

ЭЛЬЗА. А Оля? А Даша? А мой дом?

ВАСИЛИЙ. С домом ничего не случится. А с Олей и Дашей вы будете разговаривать по скайпу.

ЭЛЬЗА. Это как?

ВАСИЛИЙ. Я вас научу.

ЭЛЬЗА. Это что-то из Интернета?

ВАСИЛИЙ. Вот видите, вы сами все знаете.

ЭЛЬЗА. Сколько у вас планов!

ВАСИЛИЙ. Не хочу первое сентября. Из Италии, пожалуй, напишу своим детям письмо.

ЭЛЬЗА. Что вы им напишете?

ВАСИЛИЙ. Еще не знаю. «Дети, ваш учитель в Италии. Купается в море, и ему хорошо. А вы там давайте учитесь и не забудьте посмотреть на карте, где эта самая Италия находится».

ЭЛЬЗА. То же самое можно написать из Анапы.

ВАСИЛИЙ. Не хочу из Анапы. Это будет скучно.

ЭЛЬЗА. А вы за меня ручаетесь?

ВАСИЛИЙ. Что это значит?

ЭЛЬЗА. Что вы меня не бросите, не ударите, женитесь на мне, купите мне платье и еще будете немножко со мной разговаривать?

ВАСИЛИЙ. Ваш каблук готов. (Протягивает Эльзе туфлю.) Я ручаюсь за себя, что всегда буду ручаться за вас. Так хорошо?

ЭЛЬЗА. Хорошо. Тогда я тоже продам дом, и мы поедем уже совсем куда захотим.

ВАСИЛИЙ. Нет, ваш дом продавать нельзя, можно только мою квартиру!

ЭЛЬЗА. Это не дом, а гроб. Я его ненавижу. Если бы вы знали, как я его ненавижу. Сначала он съел мою молодость, потом он съел мое здоровье, а потом захотел сожрать всю мою жизнь.

ВАСИЛИЙ. Как это?

ЭЛЬЗА. А вот так. Хрум-хрум-хрум! Продам его! Пусть ему пусто будет!

ВАСИЛИЙ. Нет, нельзя.

ЭЛЬЗА. Можно. Продам и ни у кого не спрошу. И никто мне ничего за это не сделает.

Эльза надевает туфли.

ВАСИЛИЙ. Завтра приходите пораньше и поедем в город подавать заявление.

ЭЛЬЗА. В детском доме я почти не жила. В школе тоже. Немножко жила с мамой. С Петей тоже не жила, но иногда, когда играла с Олей, я оживала. Я думала: все будет потом. А потом уже так не думала. Но вот наступило потом. И оно хорошее, это потом. Завтра мы поедем с вами в загс. И это очень хорошее потом. И куда-нибудь поедем еще. А если каблук сломается, то вы мне его почините.

Действие второе

1

Дом Эльзы. На кухне за столом сидят Ольга и Даша.

ОЛЬГА (обмахиваясь газетой). Чё-то я волнуюсь...

ДАША. Да ладно тебе, не кипеши...

ОЛЬГА. А если они скажут: мол, ну и ладно?

ДАША. Ну, значит, сами будем выруливать.

ОЛЬГА. Собралась она дом продавать! Ни обо мне, ни о тебе, главное, не подумала!

ДАША. У тебя же свой дом есть.

ОЛЬГА. И что? А этот я по-твоему взяла и подарила?

ДАША. А если она правда влюбилась?

ОЛЬГА. Ну влюбилась и влюбилась. А замуж выходить зачем? А дом зачем продавать?

ДАША. Мечта...

ОЛЬГА. Вот ты сейчас, как дите неразумное говоришь, и она туда же. Какой позор, меня на работе только ленивый не спросил.

ДАША. А мне все друзья сказали: «Бабке твоей уважуха».

ОЛЬГА. Потому что идиоты твои друзья, и ты такая же.

ДАША. Ой, ну всё!

ОЛЬГА. Надо было Вадима позвать для надежности.

ДАША. Тебе всё Вадим. И для надежности Вадим, и с ребенком посидеть Вадим, и в город отвезти, и огород полить.

ОЛЬГА. А зачем мне тогда зять, если он ни черта не может?

В дом заходят Виктор и Изабелла.

ВИКТОР. Это дом Кравчуков? Мы ничего не перепутали?

ОЛЬГА. Да, это мы. А вы Малашкины?

ВИКТОР. Они самые. Виктор. А это Изабелла.

ИЗАБЕЛЛА. Супруга я.

ОЛЬГА. Приятно познакомиться.

ИЗАБЕЛЛА. Прямо скажем, приятного тут мало. Дело вон какое.

ОЛЬГА. Ну что поделывать? Старики, как дети. Втемяшили себе в голову вот это вот про любовь.

ВИКТОР. Наш-то квартиру собрался из-за этой любви продавать.

ОЛЬГА. А наша дом!

ДАША. Может, чаю?

ИЗАБЕЛЛА. Не откажемся.

ВИКТОР. Надо только побыстрее это все решать. Ваша ведь скоро вернется.

ОЛЬГА. Всё под контролем. Час назад они уехали в город покупать ей платье. Это значит, они только-только в город въехали.

ИЗАБЕЛЛА. Вот ведь как далеко дело зашло – он ей уже и платье покупает.

ОЛЬГА. Ну а что в этом такого? Жених все-таки...

*Ольга нервно смеется. Никто ее не поддерживают.
Даша заваривает чай, разливает его по чашкам.*

ДАША. Садитесь, пожалуйста.

ИЗАБЕЛЛА. Благодарю.

Все садятся.

ОЛЬГА. Конечно, никогда не думала, что в такой глупой ситуации окажусь.

ВИКТОР. Да и мы тоже.

ОЛЬГА. Да еще в такое время...

ИЗАБЕЛЛА. Какое такое время?

ОЛЬГА. Ну как это сказать? Нестабильное, что ли? Лекарства вон как дорожают.

ВИКТОР. А картошка? Вы видели?

ОЛЬГА. А картошка у нас своя. Двенадцать соток. Раньше всё на себе.

Сейчас зять помогает. Хвастаться нехорошо, но у меня очень хороший зять.

ВИКТОР. Повезло вам.

ИЗАБЕЛЛА. Не знаю, как можно любить зятя или невестку. Вот растишь свое дите, а потом приходит такая фифа на все готовое и забирает твоего

сына. Нет, головой-то я понимаю, дети – не твоя собственность, но это же твой сын, твой мальчик...

ОЛЬГА. Не знаю, у меня только дочь. Сына нету совсем.

ИЗАБЕЛЛА. Все невестки – ведьмы.

ОЛЬГА. Зачем вы так?

ИЗАБЕЛЛА. Нет, головой-то я понимаю...

ВИКТОР. Это она морально готовится.

Я предлагаю следующий вариант. Давайте так. Дело ясное, хотят жениться – пусть женятся. Мы им свадебку сыграем, а потом скажем: вот, молодые-немолодые, мы вам тут прикупили путевку в Турцию. Съездите, отдохните, никакую недвижимость вам продавать не надо. Они, значит, возвращаются, мы у них изымаем загранпаспорта. А пока восстановят, пока то, пока сё, глядишь, и одумаются.

ИЗАБЕЛЛА. То есть ты предлагаешь вместо того, чтобы Сашку с Егором в лагерь отправить, оплатить твоему папаше отдых в Турции?

ВИКТОР. Сашка с Егором маленькие, у них еще в жизни лагерей этих будет!

ИЗАБЕЛЛА. То есть вот по этой причине пускай мальчишки все лето в городе угарным газом дышат, потому что у твоего папаши любовь?

ВИКТОР. Ну я не говорю, полностью оплатить, мы же можем скинуться как-то по-родственному?

Виктор смотрит на Ольгу.

ОЛЬГА. Я вам прямо скажу, у меня лишних денег нет. Фельдшерница я в местном пункте, откуда у меня деньги на Турцию? Да и вообще, я вам хочу сказать, мне эта затея не нравится. Во-первых, мама десять минут как вдова. Зачем ей этот новый брак? Во-вторых, ну, допустим, помрет она раньше Василия Игнатьевича, он, надо заметить, помоложе будет, и что? Наш дом вам отойдет как супругу, так, что ли? Нет, меня это категорически не устраивает.

ВИКТОР. А что же вы предлагаете?

ОЛЬГА. Я предлагаю следующее, как бы грубо это ни звучало: забирайте вашего папу обратно в город.

ВИКТОР. А как его забрать?

ИЗАБЕЛЛА. Действительно, это смешно...

ВИКТОР. Ну подождите, раз у вас нет средств, мы постараемся это как-то решить за свой счет... Ведь он же не младенец, забирать его.

ИЗАБЕЛЛА. И где гарантия, что ваша мама в его городскую квартиру жить не прискачет?

ОЛЬГА. Кобылица она вам, что ли, скакать?

ИЗАБЕЛЛА. Я просто хорошо знаю жизнь. Послушайте меня...

ОЛЬГА. Вы не знаете мою маму! Она же божий одуванчик.

ДАША. Ну влюбился человек, с кем не бывает!

ИЗАБЕЛЛА. Божий одуванчик! Ага, как же! Увидала, что человек вдовый, при квартире, при доме, и тут же полезла к нему в койку! Не обижайтесь, но я очень хорошо знаю эту жизнь!

ОЛЬГА. Ага, прямо не разуваясь полезла! Мы, знаете ли, тоже не бомжи! Наш дом подороже ваших квартир выйдет!

ИЗАБЕЛЛА. Ваш дом в деревне Гадюкино подороже трешки в городе?! Ой, не смешите меня!

ВИКТОР. Тише, тише, давайте примем здоровое решение!

ИЗАБЕЛЛА. Фельдшерица права качает! Смешно!

ОЛЬГА. Я тебе сейчас покажу, какие у фельдшерицы права!

Ольга кидается на Изабеллу, вцепляется ей в волосы. Та визжит, отбивается. Виктор и Даша бросаются разнимать разъяренных женщин. Наконец им это удается.

ИЗАБЕЛЛА. Да нашей ноги в вашем свинарнике больше не будет! Турцию их проститутке подавай!

ОЛЬГА. Завали свой матюгальник! И давай уматывай! Я костыми лягу, чтобы ваше семейство поганое близко к моей мамочке не подошло!

ВИКТОР. Женщины, успокойтесь!

ИЗАБЕЛЛА. А про Турцию мы с тобой еще дома поговорим! Ты бы с таким напором меня хоть раз куда-нибудь свозил!

ВИКТОР. Ну давай сделай меня, как всегда, во всем виноватым!

ИЗАБЕЛЛА. А я тебе все это говорила, что так будет... Хоть бы раз ты меня послушал...

Виктор и Изабелла уходят.

ОЛЬГА. Вот сучка!

ДАША. Да ну их вообще!

ОЛЬГА. Вот ненавижу таких баб! Все как одна – на любовниц твоего папаши похожи! «Я в городе живу, я вся такая умная-образованная, вся такая из себя...» А чё ж ты, если вся такая из себя, на моего мужика деревенского позарилась?

ДАША. Ну ладно, забыли уже.

ОЛЬГА. Как я ее! (Обмахивается газетой.) Прямо легче на душе стало!

ДАША. Малашкины-говняшкины какие-то.

ОЛЬГА. Да. Вот у нас фамилия ни с чем плохим не зарифмуется. Кравчук и все. Нормальная русская фамилия.

ДАША. Украинская.

ОЛЬГА. Ой, какая украинская?! Нашла тоже украинцев, ты там хоть раз была?

ДАША. Нет.

ОЛЬГА. Вот и я нет. Мы – русские, значит, и фамилия русская. Кравчук и Кравчук, обычная фамилия.

2

Вечер. Эльза заходит в свой дом с большим пакетом в руках. Кладет пакет на диван. Достает из него длинное розовое платье. В дом заходят Ольга и Даша в халатах и с банными полотенцами на головах.

ОЛЬГА. Мамочка пришла!

Подходит к матери, целует ее.

ОЛЬГА. А мы тут без тебя с Дашкой баньку затопили. Вадик нас отпустил.

ДАША. Баба, ты купила платье? Оно же розовое.

ЭЛЬЗА. Ну так и я не молода выходить замуж в белом.

ДАША. Про белое-то понятно. Но оно же розовое.

ЭЛЬЗА. А что? Хороший цвет.

ДАША. Бабуль, ты чё, ванилька?

ЭЛЬЗА. Кто?

ДАША. Ты еще инстаграм себе заведи.

ЭЛЬЗА. Что?

ДАША. Короче, ба, оно розовое!

ЭЛЬЗА. Я это вижу и без тебя.

ДАША. Ты собралась замуж в розовом платье?

ЭЛЬЗА. Ну да.

ДАША. Ты совсем не понимаешь?

ЭЛЬЗА. А что плохого в розовом цвете? Мне нравится. Оно аккуратное, с бантиками, и материал хороший. Василий Игнатьевич одобрил. Что тут такого?

ДАША. Бабуль, ты не понимаешь. Оно розовое, и это никуда не годится.

ЭЛЬЗА. Ну да, оно розовое...

ДАША. Оно слишком розовое.

ЭЛЬЗА. Да, может быть, оно и немного чересчур розовое, но зато оно нарядное, красивое, притягивает взгляд.

ДАША. Слишком притягивает взгляд.

ЭЛЬЗА. Ну и что? И что? Я всю жизнь ходила в сером. Могу я позволить себе хоть раз в жизни надеть розовое платье? Мне нравится розовый. Это хороший цвет. Нежный. Мне он идет. Да он всем идет. Может быть, я немного поздно решила на розовое платье... Но Василий Игнатьевич меня поддержал.

ДАША. Я думала, у тебя есть вкус.

ЭЛЬЗА. Есть. И он розовый. Что в этом такого?

ДАША. Ничего. Но я тебя предупреждала.

ОЛЬГА. Дашка, подожди, не мели все в одну кучу. Мам?

ЭЛЬЗА. Да, Оля?

ОЛЬГА. Сядь, поговорим.

ЭЛЬЗА. Мне в моем доме приглашения сесть не требуется, доченька.

ОЛЬГА. Хорошо, не заводись. Банька хорошая сегодня. Ты не хочешь?

ЭЛЬЗА. Устала, ноги гудят.

ОЛЬГА. А я бы тебя веничком?

ЭЛЬЗА. Не хочу.

ОЛЬГА. Mam, послушай... Прости меня, что я так себя вела. Это просто как обухом по голове было. Я все понимаю. Да ты сядь...

ЭЛЬЗА. Я постою.

ОЛЬГА. Я все понимаю. Ну всякое в жизни бывает. Ты у меня женщина еще ничего себе. Mam, скажи – ну оно тебе надо? Ну ходите друг к другу в гости, с правнучкой нянчитесь, а жениться-то зачем?

ЭЛЬЗА. Мы с Василием Игнатьевичем так решили.

ОЛЬГА. Я понимаю, решили. Но зачем сразу в загс? Можно ведь и без загса, и без свадьбы...

ЭЛЬЗА. Мы решили, что хотим со свадьбой.

ОЛЬГА. Mam, пойми... Вот мелкая вырастет, что мы ей про ее прабабку расскажем?

ЭЛЬЗА. Ты думаешь, ей интересно про прабабку будет слушать?

ОЛЬГА. А тебе самой не интересно узнать, что ей про тебя расскажут?

ЭЛЬЗА. Не интересно. Я уже умру к тому времени.

ОЛЬГА. Есть ведь какие-то традиции, в конце концов... Вот семья, род, так сказать, дедка за бабуку, бабука за дедку, и прожили они всю жизнь... В сущности, вот этим ведь люди гордятся. Семейными ценностями. Спросит она: а как жила моя прабабушка? И что ей на это ответить?

ЭЛЬЗА. А потом она спросит: а как жила моя бабушка? И где мой дедушка? А на это ты ей что ответишь?

ОЛЬГА. Ну, допустим, дедушка погиб на войне...

ЭЛЬЗА. На какой войне? Великой Отечественной?

ОЛЬГА. В России всегда найдется какая-нибудь война, на которую можно все свалить.

ДАША. Хватит к вашим разборкам приплетать мою дочь!

ОЛЬГА. Ну, хорошо, хорошо. Но дом. Дом – это материальное. Его можно пощупать. Ощутить все величие рода. Ну или не величие, а... я не знаю... Твоя правнучка будет жить в этом доме, будет гордиться, что этот дом ей прабабушка с прадедушкой оставили.

ДАША. Mam, чё ты несешь? Мы вообще в город с Вадиком уедем, как только я из декрета выйду. Ты думаешь, моей дочери вот это все сдалось вообще?

ОЛЬГА. Помолчи! Я не про это!

ДАША. А про что?

ОЛЬГА. Про то, что дети должны гордиться своими дедами и прадедами.

ЭЛЬЗА. Оля, твой дед Терентий уши лошадям от злости откусывал. Надо им гордиться или нет?

ОЛЬГА. Зато он воевал! И пришел с победой!

ЭЛЬЗА. Зато сына своего, отца твоего, он кирзовым сапогом однажды чуть до смерти не забил, насилиу выходили! Что ты заладила – гордиться, гордиться, деда, прадеды! Я никому ничего плохого не сделала – я не убила, не украдала, не нагадила никому! Я просто замуж в розовом платье собралась. Оля, за что?

ОЛЬГА. Мама, ты просто убиваешь меня сейчас...

ЭЛЬЗА. Я тебя за всю жизнь пальцем не тронула, Оля! Что ты несешь такое?

ОЛЬГА. Папа, когда в гробу лежал, я не могла поверить. Я, взрослая баба, не могла поверить, что его больше нет. Что папы моего больше нет. Мы – семья, мамочка, мы – одна семья, нам нужно держаться друг за друга, а не бежать с корабля. Ты говоришь, что ты всю жизнь вкалывала в этот дом, а я, что ли, в него не вкалывала? Я, хочешь сказать, без дела сидела? Я с двенадцати лет каждый день в этот дом, в семью... Я помню, как папа начал второй этаж строить. Я каждый кирпичик этот помню. Я думала, что мы все ради одного стараемся, ради Дашки, ради ее детей. А тут – здарсьте-приехали. Папа умер, мама нашла себе нового мужа, они уезжают жить к папуасам, дом продают. Ты мне раньше-то почему не сказала, что так можно жить? Я бы, может, тоже вон Дашку бросила, нашла себе кого и поскакала по Европам.

ЭЛЬЗА. Не передергивай, Оля.

ОЛЬГА. Я не передергиваю. Так оно и есть.

Пауза.

Эльза подходит к дочери.

ЭЛЬЗА. Прости меня, доченька. Прости.

ОЛЬГА. А что «прости»? (Разматывает полотенце, снимает его с головы.)

Мамочка, не уезжай, пожалуйста, как я тут одна без тебя? Кто его знает, что он за человек такой?

ЭЛЬЗА. Он хороший человек.

ОЛЬГА. Не уходи от меня. Вот мы как с тобой живем хорошо, баньку затопим, чай заварим, скоро малина начнется. Ну а это все пройдет. Придет пора варенья, и все пройдет.

ЭЛЬЗА. Хорошо, Оля, я не буду продавать дом.

ОЛЬГА. Не уедешь от меня? И замуж не выйдешь?

ЭЛЬЗА (гладит дочь по мокрым волосам). Замуж выйду, а дом продавать не стану.

ОЛЬГА. Мама, нет! Это не то! Не то! Мама, ну подумай сама, он чужой нам, и ты с ним станешь чужая. Мама, я же только тем и живу, что ты у меня есть, что ты у меня одинокая и я у тебя одинокая. У Дашки своя семья, у тебя сейчас появится своя, а я с кем останусь? Я кому буду нужна? Мамочка, не уходи. Ты же меня всегда, ото всех, всю жизнь... Как я без твоей защиты?

ЭЛЬЗА. Оля, ну кто говорит, что я тебя бросаю? Ты мне дочь, ты всегда мой ребенок...

ОЛЬГА. Не бросай меня! Не нужен нам никто! Если ты замуж выйдешь, ты уже другая станешь, другая, совсем другая! Ты уже не моя мама станешь, а чужая женщина.

ЭЛЬЗА. И что же делать?

ОЛЬГА. Откажись. Пока не поздно, умоляю тебя! Это все лирика – какие-то там путешествия, какая-то свадьба. Вот есть я, и я тебя люблю больше жизни. Что тебе еще нужно?

ЭЛЬЗА. Я не могу...

ОЛЬГА. Оставайся моей мамой. Мы с тобой Кравчуки, Кравчуками были, Кравчуками и помрем, не уходи никуда, пожалуйста. Папа меня так любил...

ЭЛЬЗА. А меня он любил?

ОЛЬГА. Конечно, любил. Он просто по-своему, как мог. Он тебе Журку подарил, не мне, а тебе подарил, разве ты забыла? Он любил, только слова не умел...

Пауза.

ЭЛЬЗА. Оля моя...

ОЛЬГА. Твоя. А чья же еще? Никого у меня, кроме тебя, нет.

ЭЛЬЗА. И ты у меня одна-единственная доченька.

ОЛЬГА. Одни мы друг у друга. Самые родные, самые-самые!

Пауза.

ЭЛЬЗА. Ладно. Завтра ему скажу.

ОЛЬГА (обнимает и целует мать). Ну вот, мамочка! Ну вот! Вот же как хорошо!

3

Эльза заходит в дом Василия. Ничего не видно: в доме висит белое облако из муки. Посреди этого облака стоит Василий, весь облепленный мукой и тестом.

ВАСИЛИЙ. Элечка, это вы! Проходите, пожалуйста! Только осторожно – я рассыпал муку! Вообще-то, я хотел приготовить пирог для нас с вами! Я посмотрел в Интернете рецепт. Инструкция пошагово. В Интернете все было так красиво. А я взял и рассыпал муку! Срезался на первом же экзамене. И вот теперь стою, как странник в высокогорной пустыне Тибета, и не знаю – то ли пробиваться через эту бурю и идти дальше, то ли организовать стоянку, то есть убрать кухню. А вы как считаете, Элечка?

Эльза садится за стол. Василий протягивает ей мокрое полотенце.

ВАСИЛИЙ. Вот, дышите через него. Нас так в школе учили: в случае опрыскивания школы ядовитыми химикатами со стороны, естественно, врага нужно взять влажную тряпку и спокойно направляться к эвакуационным выходам. Учитель со своей стороны должен проконтролировать действия своих учеников. У меня их было в последнем моем классе тридцать три человека, Элечка. Они были такие интересные. Я у них научился всему. Скайп, Ютуб, Википедия, Контакт, Твиттер, Инстаграм... И не только. Раньше было не так. Раньше я рассказывал детям о странах, в которых ни они, ни я никогда не были. А теперь они каждое лето куда-нибудь ездят. Не все, конечно, но были такие семьи, которые могли себе это позволить. Я стал давать им задания на лето. Вот едешь ты с родителями в Турцию, к примеру. Замечательно! К первому сентября ждем тебя с докладом: что это за страна, что ты узнал про нее, про ее историю, в какие музеи ходил, на какие экскурсии ездил, что тебя удивило в их укладе жизни, в какие ситуации попадал? И, знаете, приносили! Очень интересные были сочинения у ребят! (Убирает кухню, протирает стол, моет пол...) Скоро первое сентября. Прямо каждый день в голове эта жилка бьется: первое сентября, как ты все это переживешь? А с другой стороны, у меня будет жена, семья, и это, конечно, значительно преображает, так сказать, всю картину. Но вот они же пойдут в школу. Перейдут в пятые классы. Людмила Анатольевна, наверное, опять бьется – кто возьмет «ешников»? А никто не хочет брать. У нас в школе в «Е-параллель» отправляют всех хулиганов и двоечников. Вообще, это называется класс коррекции, а по сути – камчатка. Я два раза брался за такие классы. Ничего, выпустил. А вот если бы мне сейчас сказали: возьмешь «ешек» или на пенсию, – интересно, что бы я выбрал? Нет, я бы не взял. Наверное, сейчас бы не взял. У меня все-таки жена, семья, новая жизнь, я бы не взял.

Эльза плачет.

ВАСИЛИЙ. Элечка, что с вами?

Эльза встает, обнимает Василия.

ВАСИЛИЙ. Ну что же вы? Не плачьте, я прошу вас. Скоро все наладится, все встанет на свои, так сказать, места. Нужно побыстрее уезжать, Элечка. Побыстрее. Чтобы первое сентября точно не здесь. Я разместил в Интернете объявление о продаже квартиры. На хорошем сайте. Утром уже звонили. И позвонят еще. Потому что это хороший сайт и квартира у меня хорошая. Первого сентября мы будем не здесь, мы будем с вами на море. В другой стране. В другой стране дети не идут первого сентября в школу, это не праздник, нет бантов, песен, детей с портфелями и ранцами. Где-нибудь в другом месте мне будет спокойнее. И вы будете рядом. Только пироги не

получаются у меня. Но в остальном я человек хороший, Элечка. А пирог, ну что же...

Василий суетится, ставит чайник, расставляет чашки.

ЭЛЬЗА. У меня сумки нет к свадебному платью.

ВАСИЛИЙ. Вот беда так беда! Элечка, купим мы вам сумку.

ЭЛЬЗА. Розовую?

ВАСИЛИЙ. Если хотите, розовую.

ЭЛЬЗА. Когда?

ВАСИЛИЙ. Завтра пойдем и купим.

ЭЛЬЗА. Нет, пойдемте сейчас.

ВАСИЛИЙ. Почему именно сейчас?

ЭЛЬЗА. Там как раз у магазина все наши сплетницы собрались.

ВАСИЛИЙ. Хорошо. Я только переоденусь.

ЭЛЬЗА. Нет. Пусть так. Так тоже хорошо.

ВАСИЛИЙ. Ну, раз вам хорошо, то и мне хорошо.

Василий и Эльза выходят из дома.

ЭЛЬЗА. Василий Игнатьевич, а расскажите мне, что такое Инстаграм? Мне внучка сказала, что я должна его обязательно завести...

4

У магазина стоят Зинаида и Таисия. Василий и Эльза заходят в магазин. За прилавком смотрит свой сериал Марина.

ЭЛЬЗА. Мариночка, у вас сумки не завезли?

МАРИНА. Так у нас только хозяйственные, Эльза Александровна, вы же сами знаете.

ЭЛЬЗА. Спасибо, Мариночка.

МАРИНА. Да не за что.

ЭЛЬЗА (выходя из магазина, односельчанкам). Забыли к свадебному платью сумку купить. А у нас же приличную не найдешь. Ну ничего, Василий Игнатьевич, завтра поедем с вами в город и выберем что-нибудь подходящее.

Свадьба, девчата, – это очень утомительное занятие: одно, другое, третье...

Хорошо хоть в медовый месяц уедем, отдохнем.

ЗИНАИДА. Куда собралась, Элечка?

ЭЛЬЗА. В Париж... На южное море. Да, Василий Игнатьевич?

Эльза под ручку с Василием уходят.

5

Утро. Эльза и Василий выходят из дома Василия. Василий в белой рубашке, в костюме. Эльза на каблуках, в розовом платье, розовых перчатках и с розовой сумкой в руках. На голове светло-розовая шляпка с розочкой, глаза накрашены, губы подведены.

ЭЛЬЗА. Фотоаппарат не забыли?

ВАСИЛИЙ. Взял.

ЭЛЬЗА. Паспорта?

ВАСИЛИЙ. У меня.

ЭЛЬЗА. А шампанское-то...

ВАСИЛИЙ. Купим по дороге.

ЭЛЬЗА. Не опоздаем?

ВАСИЛИЙ. От автовокзала возьмем такси, скажем водителю остановиться у магазина.

ЭЛЬЗА. Потом пойдем гулять на фонтаны? Они поют.

ВАСИЛИЙ. Как договаривались – загс, ресторан, фонтаны и домой.

ЭЛЬЗА. Очень хочу увидеть вашу квартиру.

ВАСИЛИЙ. Там правда немного не прибрано. Но зато у меня есть коллекция открыток.

ЭЛЬЗА. Вы собирали открытки?

ВАСИЛИЙ. Да. Географические. На которых всякое красивое... Никогда никому не показывал.

ЭЛЬЗА. Почему?

ВАСИЛИЙ. Потому что это глупо. Я же не шестнадцатилетняя девочка.

ЭЛЬЗА. Шестнадцатилетние девочки собирают открытки с актерами.

ВАСИЛИЙ. Сейчас это называется «постеры».

ЭЛЬЗА. Ну, вот их. А собирать красивое – что в этом такого? Если бы вокруг меня было что-нибудь красивое, что можно было бы собрать, я бы тоже собирала.

ВАСИЛИЙ. А разве не было?

ЭЛЬЗА. Была красивая собака Журка, красивая река, красивые закаты, туман, а сквозь него телята на тоненьких ножках жуют траву в серенькой дымке, красивый очень старый мост, потом он обрушился нафиг, у Оли были красивые ресницы, она их опалила, когда ходила в поход. Под полом нашей с мамой теплушки жили красивые жуки, они не мешали нам, и мы их не трогали, потому что они были красивые и красненькие. Красивое было, только его нельзя было потрогать. Но тогда я не думала, что это обидно. Хотелось не этого, хотелось других красивых вещей. Производственных. Из стекла или ситца.

Василий и Эльза подходят к остановке. На остановке стоит Ольга.

ЭЛЬЗА. Олечка, ты все-таки пришла нас проводить?

ОЛЬГА. Мама, нет!

ЭЛЬЗА. Что «нет»?

ОЛЬГА. Ничего! Ты никуда не поедешь!

ЭЛЬЗА. Оля, ну мы же все уже решили, все обговорили!

ОЛЬГА. А я сказала: нет! Никогда Кравчуки не будут Малашкиными!

ЭЛЬЗА. Оля, что ты такое говоришь? Мы все уже решили.

ОЛЬГА. Если надо, я прямо здесь перед тобой на землю лягу. Сумеешь через родную дочь переступить, ты мне больше не мать!

ВАСИЛИЙ. Олечка, погодите, ради бога, но ведь это выбор вашей мамы.

Ваша мама – взрослая женщина, да и вы уже не ребенок...

ОЛЬГА. А ты, старый козел, поговори мне тут еще!

ЭЛЬЗА. Оля!

ВАСИЛИЙ. Зачем же вы так грубо говорите? Все-таки я старше вас...

ОЛЬГА. А мне плевать! Запудрил ей мозги красивыми словами! На дом наш позарился, так и скажи! Развел тут любовь с голубями! Привык, наверное, в своей школе ученицам лапшу на уши вешать!

ВАСИЛИЙ. Ну, зачем вы так... Я же... Я же... Я же... (Хочет что-то сказать и не может, хватается за сердце.) Дышать...

ЭЛЬЗА. Вася! Оля, ему плохо! Что ты стоишь, Оля?

Оля придирчиво смотрит на побледневшего Василия.

ОЛЬГА. Плохо вам, что ли?

ВАСИЛИЙ. Нет, нет, сейчас...

ОЛЬГА. Сердце?

ВАСИЛИЙ. Колет.

ОЛЬГА. Сильно?

ВАСИЛИЙ. Немного да...

ОЛЬГА. Боль какая? Тупая или острая?

ВАСИЛИЙ. Сердце жжет...

ОЛЬГА. Ясно. Мама, на землю его уложи.

Эльза укладывает Василия на землю.

ОЛЬГА. Голову приподними ему.

Эльза подкладывает свою сумку Василию под голову.

ОЛЬГА. Вот так, ага. Есть нитроглицерин у тебя с собой?

ЭЛЬЗА. Нет! Мы же на свадьбу ехали!

ОЛЬГА. Тили-тили-тесто, жених и невеста, тоже мне. Так, спокойно, я сейчас бригаду с района вызову. (Достает телефон из сумки, набирает номер.) Алло, Кира Андреевна, это Оля Кравчук. Машину прямо на остановку к нам пришлите, тут у нас у бабушки с сердцем что-то...

ЭЛЬЗА (Василию). Дышать можете?

ВАСИЛИЙ. Дышу...

ЭЛЬЗА. Дышите, дышите...

ВАСИЛИЙ. Вы не волнуйтесь. Сейчас пройдет и поедем.

ЭЛЬЗА. Нет, сегодня вы отдохнете, а поженимся через неделю.

ВАСИЛИЙ. Главное, до первого сентября.

ЭЛЬЗА. Вы не бойтесь, мы успеем. Лето только началось.

ВАСИЛИЙ. Хорошо у вас здесь все-таки...

ОЛЬГА. Помолчите!

ЭЛЬЗА. Да, да. Вы не говорите, вы лежите. Сейчас они придут. Вы не переживайте, Оля их знает...

6

Эльза подходит к дому Василия. Никто не встречает ее у ворот. Эльза заходит во двор. Из дома выходит Изабелла.

ИЗАБЕЛЛА. Чего вам еще? Я же сказала – не приходите сюда!

ЭЛЬЗА. Но мне нужно...

ИЗАБЕЛЛА. Ничего вам не нужно! Я знаю, что говорю. Завтра мы увозим его в город! У человека инфаркт – можно это понять или нет? Человеку нужен покой!

ЭЛЬЗА. Но я...

ИЗАБЕЛЛА. Вы всё ходите и ходите! Я вам русским языком сказала – нечего сюда шляться! Послушайте меня наконец, отвяжитесь уже от нашего папы, не ходите, не позорьтесь! Вы что, сами не понимаете, что все из-за вас?!

ЭЛЬЗА. Из-за меня?

ИЗАБЕЛЛА. А из-за кого?! Вы же всю душу из него вынули своими тряпками, сумками, женитьбой этой! На квартиру его уже, на дом губу раскатали! Поженились бы, а через недельку после свадьбы и помер бы наш папаша от неизвестного отравления! Ваша дочка-фельдшерица что-нибудь красивое в свидетельстве бы написала, и все шито-крыто, концы в воду! И не говорите мне, что это неправда!

ЭЛЬЗА. Но ведь это неправда. Вы меня совсем не знаете.

ИЗАБЕЛЛА. Я хорошо знаю эту жизнь! Я с вами по-хорошему хотела, но вы, хохлы, по-хорошему не понимаете! Фашисты! Что стоишь? Пошла вон, фашистка! Фашистка!

Эльза разворачивается и уходит, почти бежит, низко опустив голову, как бежала когда-то по этой же самой улице от других, таких же.

7

Вечер. Поздняя осень. Накрапывает дождь. Эльза в пальто и шапке стоит у дома Василия Игнатьевича и смотрит в темные окна. Долго. Дождь все идет и идет, а она не уходит. На плечо Эльзе ложится чья-то рука. Эльза оборачивается. Видит Зинаиду.

ЗИНАИДА. Пойдем, Элечка.

ЭЛЬЗА. Сейчас пойду.

Зинаида обнимает Эльзу.

ЗИНАИДА. Хорошая моя! Красотулька моя! Все у тебя будет хорошо. Наша доля бабская такая – терпеть. А пойдем ко мне в гости? Чаю напьемся, Малахова поглядим. А хочешь самогонки дерябнем с тобой? Ты сама знаешь, какой у моего Вани самогон!

ЭЛЬЗА. Не хочется, Зина.

ЗИНАИДА. Не хочется, а надо!

ЭЛЬЗА. Мне еще в магазин успеть. Порошок стиральный закончился.

ЗИНАИДА. Ну пошли, пошли, нам как раз по пути...

Эльза и Зинаида идут по дороге.

ЗИНАИДА. Ну вот что ты расклеилась? Прямо душа разрывается смотреть на тебя. Мы же еще с тобой женщины ого-го-го! Ну немолодые, ну и что? Это Таечка у нас бабулька уже, все болит у нее, а мы еще с тобой посмотрика – бегаем себе помаленечку! Ты на хор-то, Элечка, приходи, мне без тебя грустно. Ты же у нас лучше всех поешь!

ЭЛЬЗА. Нашла певицу...

ЗИНАИДА. А вот и неправда! Вот ты когда про рябину затягиваешь, мне, Элечка, прямо плакать хочется. Это я не в качестве комплимента, это так и есть... А давай споем?

ЭЛЬЗА. Да ну тебя!

ЗИНАИДА. А давай, давай. Если хочется, надо петь, надо тосковать. Пусть все думают, что мы с тобой – две бабки напильсь. Что стоишь качаясь...

Зинаида затягивает «Тонкую рябину», Эльза подхватывает. Они медленно идут по дороге и поют себе тихонько немного дребезжащими старческими голосами. Хлюпает грязь под ногами. Маленькие старушечьи фигурки исчезают в дождливой мгле.

Утро. Эльза заходит в магазин. Марина, сидя на своем месте, смотрит все тот же сериал.

ЭЛЬЗА. Мариночка, две пачки порошка для автомата. Не успела вчера купить. А у Дашки воду отключили, они мне целую гору белья принесли.

МАРИНА. Эльза Александровна, а я вас жду. Я же два раза в неделю в Ивантеевском санатории вахтершей дежурю.

ЭЛЬЗА. А-а-а. Не знала.

МАРИНА. Он там. Его вчера привезли.

ЭЛЬЗА. Как он?

МАРИНА. Ходит. Только с палочкой еще. Говорит, на поправку пошел, а раньше лежал совсем как инвалид. Мы с ним две минуты, не больше, он даже черкнуть не успел. Эта стерва от него ни на шаг. Он просит вам передать, что любит вас. Что вернется скоро. У него там телефона нет, сказал, что эта отобрала. Просит написать ему, и он вам напишет. А я передам.

ЭЛЬЗА. А еще? Еще что сказал?

МАРИНА. Сказал, что это... Что жалеет, что не научил своего сына бить женщин, потому что некоторых бы стоило.

ЭЛЬЗА. Когда ты идешь на дежурство?

МАРИНА. Послезавтра.

ЭЛЬЗА. Мариночка, я завтра тебе передам. Я ему еще гостинцев соберу. Ты там незаметно сможешь?

МАРИНА. Гостинцев не надо, их там кормят на убой.

ЭЛЬЗА. Хорошо. Тогда только письмо. Ты с десяти здесь?

МАРИНА. Ну да.

ЭЛЬЗА. Завтра прямо с утра занесу.

МАРИНА. Они там ищут ему сиделку, чтобы немолодая и смогла составить компанию пенсионеру. Эта его невестка так медсестре сказала... А он, Эльза Александровна, просил вам передать, что он вас любит.

ЭЛЬЗА. Мариночка, ласточка моя, спасибо! Все, побежала писать письмо!

МАРИНА. Подождите, порошок же еще!

ЭЛЬЗА. А! Да.

Эльза покупает порошок, выходит из магазина.

9

Вечер. Эльза сидит за столом в очках. Перечитывает только что написанное письмо.

ЭЛЬЗА. Пишу вам, Василий Игнатьевич, а сама не нарадуюсь, что вы нашлись. Вы бы видели меня сейчас: пишу, а сама улыбаюсь. Хотя, когда узнала от Марины, что вы в санатории, надо сказать, и плакала немного. Я вся испереживалась по вам и думала даже, что слягу. Но сейчас не про меня. Самое главное – это вы. Лечитесь, набирайтесь сил. Очень надеюсь, что совсем скоро вас увижу. Я тут все ходила и вспоминала наши встречи.

Помните, я прочитала из какой-то книги отрывок стихотворения про любовь? Тогда я не поняла, мне показалось, глупость какая-то. А сейчас я не могу его вспомнить, только самую первую строчку: «Любовь богаче делом, чем словами». А дальше моя дырявая голова отказывается вспоминать. Но даже эта первая строчка кажется мне теперь очень умной. Я каждый день ее повторяю. Вот только не знаю, что это был за автор. Если вы помните – напишите мне, пожалуйста, я его прочту целиком. Потому что это все правильно он пишет про любовь. Вы столько для меня сделали, Василий Игнатьевич. Я даже не знаю, как это объяснить. Я стала другой. Раньше я думала только о доме, о делах, а сейчас мне каждый день в голову приходят такие мысли, которые я прежняя не одобрила бы. Например, раньше я часто размышляла о том, кто я – немка, русская или украинка, раз взяла Петину фамилию. И из-за этих мыслей я была нерешительная и всего боялась. А сегодня я поняла, что мне это совершенно все равно. И у меня как будто камень с души свалился. Я поняла, что даже если трижды в день мне будут кричать вслед разные ругательства о моей национальности, это меня несколько не заденет. Потому что моя земля, она больше всех земель, вместе взятых, и она не имеет никакого отношения к вашей географии. Вот такая я стала и вот такое надумала. Но больше я ничего не думала, потому что села писать письмо вам. Я хочу написать вам, чтобы вы выздоравливали. Что я вас жду. Я люблю вас. Вот что самое главное я хотела написать. А еще я посадила розы для вас, и, когда вы вернетесь, мы пересадим их в ваш двор. Жду ответа как соловей лета. Ваша Элочка.

Эльза, дочитав письмо, аккуратно складывает его в конверт. Снимает очки. Идет в комнату, достает из шкафа свое розовое платье. Придирчиво осматривает его. Затем кладет платье на гладильный стол, включает утюг, принимается отглаживать рукава и воротничок.
В дом заходит Ольга.

ОЛЬГА. Мама, ты опять гладишь свое платье...

ЭЛЬЗА. Но оно помялось...

Ольга подходит к матери.

ОЛЬГА. В шкафу? Где ты там увидела помятость?

ЭЛЬЗА. Ты не видишь, а я вижу. Такое платье должно быть идеально выглаженным. Вот теперь хорошо. Я надену, и ты увидишь, что такое выглаженное платье.

ОЛЬГА. Не надо.

ЭЛЬЗА. Нет, я надену. Мне нужно проверить.

ОЛЬГА. Что проверить?

ЭЛЬЗА. А вдруг я располнела и не влезаю в него больше?

ОЛЬГА. Не говори ерунды.

ЭЛЬЗА. Это не ерунда. (Переодевается за створкой шкафа, как за ширмой.)

Помоги мне застегнуть.

Ольга помогает матери застегнуть молнию на спине.

ЭЛЬЗА (смотрит на себя в зеркало). Подожди. (Надевает туфли на каблуках, возвращается к зеркалу.) Вот так очень хорошо.

ОЛЬГА. Мама, ты сядь.

Эльза садится на диван.

ЭЛЬЗА. Села. Правда хорошо?

ОЛЬГА. Мамочка, ты очень красивая.

ЭЛЬЗА. Спасибо, доченька.

ОЛЬГА. Мама, ты должна знать. Мне позвонил Виктор, сын Василия Игнатьевича.

ЭЛЬЗА. И что он тебе сказал?

ОЛЬГА. Сегодня ночью Василий Игнатьевич умер.

Эльза замирает.

ОЛЬГА. Мамочка, мне тоже очень жаль, что так вышло. Прости меня, пожалуйста.

Молчание.

ЭЛЬЗА. Дай мне мою шляпку. И сумочку.

ОЛЬГА. Мама, зачем?

ЭЛЬЗА. Завтра я все это сожгу. А сегодня я хочу так.

Ольга приносит матери ее розовую шляпку, перчатки и розовую сумочку.

ОЛЬГА. Мама, я останусь сегодня у тебя?

ЭЛЬЗА. Не надо, Оля. Иди.

Ольга обнимает Эльзу.

ОЛЬГА. Мамочка, я тебя люблю.

ЭЛЬЗА. И я тебя, доченька.

ОЛЬГА. Ничего не поделаешь.

ЭЛЬЗА. Я знаю. Иди...

ОЛЬГА. Ты точно ничего с собой?

ЭЛЬЗА. Нет. Иди.

ОЛЬГА. Я завтра рано утром зайду. Нет, давай я все-таки останусь.

ЭЛЬЗА. Оля, пожалуйста, иди...

ОЛЬГА. Хорошо. Тогда зайду через час.

ЭЛЬЗА. Поздно уже.

ОЛЬГА. Но я все равно.

ЭЛЬЗА. Хорошо. Спокойной ночи.

ОЛЬГА. Я зайду... Принесу чего-нибудь.

Ольга уходит. Эльза сидит неподвижно. Неподвижен ее взгляд, неподвижны плечи, неподвижна спина, руки, ноги в туфлях на каблуках, волосы с пробивающейся сквозь краску сединой, светло-розовая нелепая шляпка. Тишина заполняет собой каждый сантиметр пространства. Тускло горит свет. В темном окне отражаются стул, стол, диван, шкаф, ковер на стене, ковер на полу, телевизор, сервант с хрусталем. А больше ничего нет. Вдруг раздается какое-то громкое тарахтение. В окно бьет свет фар. Темный неразличимый силуэт стучит кулаком по стеклу. Эльза выходит на улицу в чем была и видит перед собой Василия. Бросается к нему в объятия.

ЭЛЬЗА. Василий Игнатьевич!!!

ВАСИЛИЙ. Элечка, я украл мотоцикл! Поехали!

ЭЛЬЗА. Куда?

ВАСИЛИЙ. Туда, куда вы хотели.

ЭЛЬЗА. Это куда же?

ВАСИЛИЙ. В Париж. На южное море!

Эльза и Василий садятся на мотоцикл. Мотоцикл с ревом заводится, и они уезжают.